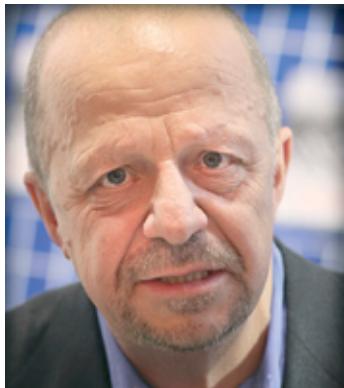

**НОВИКОВ
ВЛАДИМИР
ИВАНОВИЧ**

Доктор филологических наук,
заслуженный профессор
МГУ им. М. В. Ломоносова,
профессор кафедры
литературно-художественной
критики и публицистики
факультета журналистики МГУ.

Москва, Россия.

E-mail: novikovu@yandex.ru

УДК 101.9

**БАХТИН, И НЕСТЬ ЕМУ КОНЦА!
ТРИ ТЕКСТА 1980-Х ГОДОВ**

Аннотация. Представлены три текста, опубликованные автором в период с 1981 по 1987 год. «Слово и слава» – рецензия В. И. Новикова на книгу М. М. Бахтина «Эстетика словесного творчества» в журнале «Новый мир» (1981, № 4). «Ответственность диалога» – дружеская пародия на стиль Бахтина, впервые появившаяся в «Литературной газете» в 1985 году. «Бахтин Михаил Михайлович» – небольшая популярная заметка В. И. Новикова в «Энциклопедическом словаре юного литературоведа» (1987). Тексты комментируются их автором с точки зрения сегодняшнего дня культуры в целом и бахтиноведения, в частности.

Ключевые слова: Бахтин, эстетика, слово, творчество, автор, герой, диалог, жанр, полифония, пародия, личность, слава.

Vladimir I. Novikov

Moscow State University named M. V. lomonosov
E-mail: novikovu@yandex.ru

**BAKHTIN, AND NEVER END!
THREE TEXTS FROM THE 1980S**

Abstract. Three texts published by the author between 1981 and 1987. "Word and Glory" – a review by V.I. Novikov of M.M. Bakhtin's book "The Aesthetics of Verbal Creativity" in the magazine "Novy Mir" (1981, no. 4). "The Responsibility of Dialogue" is a friendly parody of Bakhtin's style, first appearing in Literaturnaya Gazeta in 1985. "Bakhtin Mikhail Mikhailovich" is a short popular note by V. I. Novikov in the "Encyclopedic Dictionary of the Young Literary Scholar" (1987). The texts are commented on by their author from the point of view of today's culture in general and Bakhtin studies in particular.

Keywords: Bakhtin, aesthetics, word, creativity, author, hero, dialogue, genre, polyphony, parody, personality, glory.

DOI: 10.32691/2410-0935-2025-20-64-75

© В. И. Новиков 2025

Для моих ровесников, поступивших на филологический факультет МГУ в 1965 году, присутствие Бахтина в научно-духовном сознании, – это уже даже не полвека, а шесть десятилетий. Книги о Достоевском и Рабле, вышедшие соответственно в 1963 и 1965 гг., несмотря на консерватизм тогдашней образовательной системы, внедрились в фундамент высшего литературоведческого (и литературного) образования. Лично я с молодых лет больше тяготел к Тынянову, к опоязовскому научному вектору, но с годами постепенно начал сопрягать тыняновскую и бахтинскую научные системы. Это реализовалось в моем главном труде – «Книге о пародии» (1989), где свою концепцию жанра я развиваю, опираясь на Тынянова и Бахтина, при необходимости о чем-то споря с обоими. Легендарный портрет Бахтина работы Юрия Селиверстова воспроизведен уже в начале книги – там, где цитируется глубокое высказывание исследователя о пародийных сонетах в «Дон-Кихоте»: «...перед нами, во всяком случае не сонет, а о б р а з с о н е т а».

Проблема «чужого слова» пронизывает всю мою работу как литературоведа и критика. Программное эссе, названное этим словосочетанием, открывается эпиграфом: «Я живу в мире чужих слов. М. М. Бахтин»¹. Бахтинский «ключ» помог мне в молодые годы понять поэтику Высоцкого, а впоследствии понятия полифонии и двуголосого слова нашли применение в разборе творчества поэта в моей книге «Высоцкий» (2002 г., 9-е изд. в 2021 г.).

В 2011 году на канале «Культура» в программе «Academia» впервые появилась моя лекция «Михаил Бахтин. Синтез филологии и философии». В августе 2025 года ее показ был повторен.

Хочется напомнить три моих давних текста о Бахтине, вышедших в 1981–1987 гг.

1981. О Бахтине на страницах «Нового мира»

В «Новом мире» я начал печататься в 1980 году, написав по заказу редакции рецензию на одну литературную новинку. Тут же я предложил журналу собственную тему – отклик на вышедшую в 1979 году книгу М. М. Бахтина «Эстетика словесного творчества». В апрельском номере за 1981 год моя рецензия была опубликована. Редактура коснулась только последней фразы: «Идея жива до тех пор, пока с ней можно спорить». К слову «идея» меня попросили добавить эпитет «эстетическая»: не со всеми идеями тогда дозволялось спорить. В 1986 году, выпуская сборник своих статей под симптоматичным названием «Диалог» (М., «Современник», 1986), я включил несколько модифицированный текст «Слово и слава» в раздел «Теоретический темперамент» и убрал в finale осторожное слово «эстетическая». Однако в интересах исторической точности помещаю ниже журнальный текст: все-таки «Диалог» вышел тиражом всего 10000 экз., а номер «Нового мира» пришел к широкому читателю тиражом 350000 экз. Вспоминаю живые разговоры и споры той весны, поток телефонных звонков по выходе номера (одним из звонивших был С. Г. Бочаров). Текст до настоящего времени не только не перепечатывался, но даже не был оцифрован. Сегодня даже несколько смешно читать, что о Бахтине

¹ Новиков Вл. Чужое слово. Филологическая проза // Звезда. 2022. № 3. С. 93.

«написано слишком мало». Ситуация радикально переменилась, однако высказанные здесь соображения о «бахтинском буме», возможно, в какой-то мере применимы и к некоторой части современного «околобахтинского» дискурса.

Статья была переведена на немецкий язык².

СЛОВО И СЛАВА

М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества.

М. «Искусство». 1979. 423 с.

М. М. Бахтин. Конспекты лекций («Прометей». Т. 12.

С. 257–268). М. «Молодая гвардия». 1980.

Что такое слава как явление культуры? Способ информации о вершинных достижениях науки и искусства? Средство отбора и сопоставления ценностей? Подсказка читателю в его работе над произведением (что-то вроде ответа в конце задачника: это уже понято и принято многими)?..

Бахтин к славе не стремился. Она пришла к нему сама, ничего, в общем, не изменив в жизни бескорыстного и мужественного ученого, продолжавшего спокойно и нацеленно доводить начатое до конца. Слава Бахтина служила не ему самому, а его читателям. Для академической науки книги Бахтина о Достоевском и Рабле приобрели широкую известность с опозданием. Для читателя же – как нельзя вовремя. Они оказались более чемозвучны звонким 60-м годам. С их поэзией, исполненной жажды диалога и всепонимания. С их прошлой, предпочитавшей вопросы ответам. С их театром, стремившимся прочесть в слове далеких эпох обращение к современности. Бахтинская формула специфического катарсиса, завершающего романы Достоевского, значила гораздо больше, чем просто литературоведческое разъяснение: *«...ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди»*. Слава Бахтина помогала разрушить перегородки, отделявшие литературоведение от литературы, с одной стороны, и от читателя – с другой. В этом ее серьезное и необратимое культурное значение. Но в более спокойные и сосредоточенные 70-е годы стало заметно и другое. Слава Бахтина, сделавшись всеобщим достоянием, начала развиваться порою вразрез с внутренней сутью его научно-художественного творчества, с его словом об искусстве, мире и человеке.

Часто говорится об ответственности ученого, писателя, но крайне редко ставится вопрос об ответственности читателя. Давно было сказано: *pro capti lectoris habent sua fata libelli* – книги имеют свою судьбу смотря по тому, как их принимает читатель (буквально: в зависимости от читательских голов, умов). Но зачем же слепо фаталистически относиться к этому закону? Не стоит ли нам, читателям, навести необходимый порядок в своих головах, настроить свои умы таким образом, чтобы нынешняя судьба книг Бахтина больше соответствовала их внутреннему значению и содержанию?

Тревогу вызывает многое. Прежде всего бездумное цитирование. Велик соблазн уцепиться за частное суждение знаменитого ученого, не понимая его концепции в целом, и тем самым переложить на него ответственность за свое полупонимание. Хуже того: из Бахтина выдергивают, и довольно часто, цитаты

² Nowikow W. Wort und Ruhm Bakhtins // Kunst und Literatur/ 1982. № 5.

«попроще», какие-то трюизмы, играющие в его текстах скромную роль связок, прослоек. Таким путем любого автора можно успешно превратить в лексикон прописных истин. Между тем заветные идеи Бахтина выражены в весьма специальных и достаточно сложных (с точки зрения читательского восприятия) суждениях.

Имя Бахтина вышло далеко за пределы профессионально-литературоведческого круга. Само по себе это прекрасно, но сколько издержек связано со столь широкой популярностью! Имя, которое должно звучать как решительная антитеза всяческой суете и пошлости, вошло в потребительский «джентльменский набор»: кожаный пиджак, билет на Таганку, пара цитат из Бахтина... Пора подумать о нашей духовной экологии. Смысл бахтинской деятельности нуждается в защите от репетиловщины. И от безотчетных восторгов в том числе. Ибо за ними, к сожалению, чаще всего стоит непонимание (а то и простое незнание). Досадно слышать, как Бахтина похваляют «с ученым видом знатока» люди, имеющие более чем смутное представление о его концепциях. Здесь работает механизм, точно описанный Пушкиным: «<...> уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос» (сам же Бахтин был в этом вопросе ригористом: «Идея славы – паразитическое усвоение неавторитетного другого»). Расхожая молва всегда выделяет в каждой сфере человеческой деятельности одного: лидера, чемпиона, кумира, так сказать, первого по профессии. Бахтину повезло: он сегодня представляет философское литературоведение в этой неписаной иерархии. Но если это в какой-то мере простительно для молвы, то для научного и культурного общественного мнения такая позиция неприемлема. Уже потому, что Бахтин по сути своего миропонимания не может находиться – даже в условной иерархии – *один*. Ибо ключевая бахтинская идея (и рецензируемая книга о том красноречиво свидетельствует) – это идея *другого*. Идея приобщения, понимания, диалога. Курсивное «я и другой» – наиболее зримое и отчетливое обобщение гуманистической эстетики Бахтина.

Что значит быть в науке (да и в искусстве) звездой первой величины? Это значит входить в созвездие из десяти или даже двадцати (не в цифрах дело) имен. Вне такой системы ученый не может быть ни понят, ни оценен. Претендентов же на единственную, исключительную роль всегда было гораздо больше, сотни или даже тысячи. Но не о них речь.

Как ни странно, о Бахтине написано слишком мало. Есть статьи С. Аверинцева, Вяч. Вс. Иванова, В. Кожинова, рисующие образ Бахтина с разных сторон и с разных точек зрения. Но все они появились в стесненных по объему формах рецензий или предисловий. Теперь же ощущается настойчивая необходимость в серьезной монографии, которая покажет Бахтина во всех его связях и отношениях с отечественной и мировой гуманитарной наукой.

Пока же порадуемся выходу еще одного сборника трудов ученого, с большой тщательностью и вкусом составленного С. Бочаровым и содержательно (хотя и по необходимости экономно) прокомментированного им совместно с С. Аверинцевым. Сборник этот, говоря языком, приближенным к авторскому, имеет характер объемлющий и завершающий. Он отвечает на многие вопросы, возникавшие при чтении предыдущих книг.

Самая главная из помещенных здесь работ – «Автор и герой в эстетической деятельности», поскольку она отвечает на самый главный вопрос: о спо-

собе соединения научности и художественности в созданной Бахтиным эстетической системе.

Каждый большой литературовед непременно художник. Причем это касается не слога, но самого духовного ядра теоретической концепции. В глубине самых рационалистических и понятийно изощренных эстетических доктрин лежат художественные допущения и метафоры.

Опубликованная шесть лет назад программная статья Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (написана в 1924 году) многих покорила категорической отчетливостью мыслей и доказательств. Антитеза «содержание – форма» предстала здесь в более специфичном для искусства облике «эстетический объект – материальное целое». И все же вопрос об источнике эстетического, о природе содержания вновь поднимался над цепью логических построений. В работе об авторе и герое (написанной примерно в то же время) можно прочесть индивидуальное бахтинское решение этой извечной проблемы. Художественное творчество уподоблено им сотворению человека. Феномен человека во всей своей многогранности становится источником художественного смысла, а единство духовного и телесного в человеке делается своеобразным обоснованием нераздельности содержания и формы. Хотя эта работа выдержана в стиле научно-философском, изобилует громоздкими синтаксическими конструкциями, разветвленными абстрактно-логическими выкладками, в целом она создает эмоционально многозначный образ *творчества*. Передана и мучительность этого процесса, и его феноменальная бескорыстность. Через органичную связь автора и героя Бахтин дает свою разгадку тайны вдохновения: художник производит новое, другое сознание и постигает его, не растворяясь в нем.

Но и от читателя концепция Бахтина требует такого же недогматического, свободного и диалогического восприятия. Автор книги сам осознавал художественную неточность своего слова, он считал, что любой метаязык диалогичен по отношению к своему предмету. Было бы крайне наивно буквализировать бахтинские метафоры и символы и делать их отправными точками абстрактных рассуждений. Аналогия не есть тождество. Многие постулаты Бахтина недоказуемы – и неопровергимы вместе с тем – вследствие своего образного характера. «Творцом переживает себя единичный человек-субъект только в искусстве», – сказано в упоминавшейся методологической статье 1924 года. Думается, это все же не закон, а условное допущение. В бахтинской системе это один из краеугольных камней, обоснование специфики искусства, но как раз для того, чтобы глубоко постигнуть систему в целом, необходимо отдавать себе отчет в относительности ее исходного принципа. Бахтина привлекало все незавершенное, незастывшее, становящееся. И его собственные высказывания – это не надписи на бронзе или мраморе, а начальные реплики диалогов, рассчитанных на долгое время. Диалог же не может развиваться успешно, если одна из сторон только поддакивает. Сказано было однажды, что путь науки не столбовая дорога, а каменистые тропы. Естественно при этом, что по каменистым тропам не ходят строевым маршем. В определенные моменты ученым целесообразно разделиться и выбрать каждому свою тропу, свой аспект единой проблемы. Вопрос о выборе здесь не имеет такого фатального оттенка, который этому слову нередко придается: ведь каждый выбор

полезен и необходим науке, обобщающей и синтезирующей опыт разных исследователей. Большой ученый в гуманитарной науке не просто разрабатывает свою тему, но как бы создает свою отрасль знания. И суверенность ее всегда покупается известной ограниченностью. Бахтинская область отечественной филологии – одна из крупнейших, но и у нее есть свои границы. В поздних записях ученого читаем: «Смыслами я называю *ответы* на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла». Довольно определенно очерчена здесь сфера художественных смыслов, которые импонировали научному вдохновению Бахтина и которые ярко и убедительно раскрывались в его аналитической мастерской. Это сфера столкновения в слове разных идейных смыслов, их напряженного диалога. Меньше интересовали ученого художественные смыслы, не располагающие к рационалистическому осмысливанию, монологичные в своей новизне.

Так или иначе, но до Бахтина никто столь остро не ощущал и так здраво не выявлял наличие в слове второго голоса. «Внутренний диалог» – едва ли не самое крупное общезестетическое открытие Бахтина. В этом смысле его прочтение романов Достоевского, замечания о «Евгении Онегине» еще долго будут школой понимания для историков литературы (вспоминаются бахтинские по духу работы С. Бочарова о Пушкине с тонкой трактовкой образов Григорьева и Белкина), для критиков современной литературы, которые нередко тяготятся, оказавшись на перекрестке разных точек зрения в поисках авторской позиции.

Зоркий глаз Бахтина четко выслеживал в любом произведении элементы стилизации, иронии, пародийности. Объединив все это понятием *чужого слова*, ученый завещал нам весьма важную проблему – опять-таки не только историко-литературную, но и критическую. Критика пока еще не знает, как ей относиться к «чужому слову» в произведениях новейшей литературы. Одни питают повышенную любовь к культурным реминисценциям, другие полны нетерпимости ко всяческой «вторичности». Бахтин не боялся фиксировать неожиданные переклички отдаленных литературных эпох: любая традиция для него существует постольку, поскольку она жива в настоящем или способна воскреснуть в будущем.

У каждого филолога есть духовная отчизна не только в пространстве, но и во времени. Г. Гуковский называл себя человеком эпохи сентиментализма. Бахтина можно назвать человеком XIX столетия. Его методологическое новаторство сочеталось со спокойным консерватизмом. Одно от другого неотделимо, но, участь у Бахтина, вовсе не обязательно перенимать и внутренние ограничения, свойственные его системе.

Нужно вновь вернуться к проблеме *материала* в искусстве. Эта категория отнюдь не является изобретением того круга ученых, с которым Бахтин полемизировал и который он определял понятием материальной эстетики (справедливость требует отметить, что в этой полемике автор книги бывал монологичен и даже категоричен). О материале первыми заговорили сами мастера искусства. Причем в их метафорическом употреблении материал – это не только сырье и технические средства искусства, но и определенные тематические элементы, используемые в искусстве факты, реалии и документы, готовые смыслы, интеллектуальные абстракции – словом, все, что подлежит творчес-

кому преобразованию. В общем, эта возникшая в лоне художественной практики категория еще нуждается в четком теоретическом контуре. Бахтин же в 20-е годы воспринимал понятие материала слишком буквально и склонен был сводить его всецело к языку, а язык всецело к материалу. Впоследствии отношение ученого к этому вопросу изменилось. Во многих суждениях Бахтина язык уже предстал как кладезь новых смыслов, как материал особого рода, в словесном искусстве наиболее активный и организующий другие материалы.

Стоит внимательнее присмотреться к этой подспудной тенденции в творчестве зрелого Бахтина. При широком взгляде на проблему неизбежен вывод о том, что и эстетика Бахтина была во многом материальна. Его стремление включить в эстетический объект все смыслы, связанные с произведением, вело порой к утрате границ между текстом и контекстом, между житейской и художественной реальностью. Идея антропоморфизма искусства, обладая демократической теплотой и большой разъясняющей силой, все же остается лишь одним из подступов к специфике искусства, к его тайне. Понятие искусства шире понятия человека — точно так же как понятие человека шире понятия искусства. Впрочем, это как раз один из тех вопросов, по которым последнее слово еще не сказано.

Бахтин учил верить исследуемому художнику, каждое произведение воспринимать как уникальное и неповторимое *событие* — в общем, относиться к творению искусства как к человеку. Но эта просветленность эстетического взгляда сопрягалась с весьма индивидуальной застройкой своего научного мира. Для Бахтина не было градаций и степеней оценки. Чуждые ему внутренне художественные системы оказывались как бы внеположными его собственной системе. Они просто не поддаются адекватному описанию приемами Бахтина. Так произошло, например, с Л. Толстым (что показано, в частности, В. Камяновым в его книге «Поэтический мир эпоса»). Публикация лекций Бахтина о Толстом в «Прометее» служит еще одним подтверждением: автор честно популяризует материал романа, сохраняя равнодущие к его поэтике.

Стоит ли говорить, что очерчивание границ бахтинского мира никоим образом не связано с темой «отдельных недостатков»? Чтобы лучше понять и оценить этот мир, надо уяснить и то, чего здесь искать не следует.

В безотчетных восторгах и похвалах таится угроза утраты и забвения. С Бахтиным уже начинают полемизировать — без чрезмерного пietета, но и без ниспровергательского задора. М. Стеблин-Каменский в «Исторической поэтике» оспаривает идею амбивалентности архаического смеха. Думается, это не снижает ценности книги о Рабле: если даже Бахтин осовременил ренессансного писателя, то его трактовка значительна и сама по себе необходима. В. Ветловская отказывается видеть полифоничность в «Братьях Карамазовых», но в этом случае, признаюсь, возникает желание защитить многозначно-образную формулу «полифония» от однозначной интерпретации. М. Гаспаров в сборнике «Вторичные моделирующие системы» говорит о том предпочтении, которое оказывал Бахтин прозе в ущерб поэзии... Очевидно, такова объективная закономерность нынешнего этапа в освоении бахтинского наследия.

Главное здесь то, что нам открываются новые ресурсы понимания и бахтинских текстов и проблем, волновавших ученого. Слово Бахтина, вовлекаемое в полемический диалог, начинает звучать в полный голос, в полную меру

своего смыслового объема. Это слово о напряженной внутренней жизни произведения, о гуманистическом равенстве художественного творчества и постижения его результатов, о безграничности человека и его логоса. Это слово свободное и освобождающее.

Эстетическая идея жива до тех пор, пока с ней можно спорить.

1985. Пародия на Бахтина в «Клубе 12 стульев»

В 1981 году я начал публиковать на 16 странице «Литературной газеты» цикл пародий «В критическом лесу», где в стиле известных критиков и литературоведов излагалась история Красной Шапочки. Начав с критиков-современников, я замахнулся затем и на классиков нашей науки: вторая подборка в 1984 году включала пародии на Тынянова и Шкловского, а третья (18 сентября 1985 года) состояла из двух пародий: «Оценки по поведению» (Юрий Лотман) и «Ответственность диалога» (Михаил Бахтин). Вот текст последней:

Встреча Красной Шапочки и Волка осуществляется в атмосфере напряженной диалогической ориентации:

- Куда ты идешь?
- Я иду к бабушке.
- А далеко ли живет твоя бабушка?
- Вот за той мельницей.

В результате хронотоп Волка (быстрый бег по самой короткой дороге) резко расходится с хронотопом Красной Шапочки (медленная ходьба по самой длинной дороге). Устремившись к ценностному центру (дом бабушки) и глубоко проникнув в смысл чужого слова («дерни за веревочку – дверь и отворится», Волк реализует свои субстанциональные интенции. Его активность отнюдь не сосредоточивается на собственном «я», она всецело направлена на другого (бабушка). Не ограничиваясь пассивным созерцанием, Волк достигает почти полного усвоения объекта.

Показателен также последующий, в высшей степени карнавализованный эпизод, когда перед Красной Шапочкой предстает гротескно-амбивалентная фигура Волка в обличье бабушки. Вопрос «Почему у тебя такие большие зубы?» провоцирует действенную диалогическую реакцию Волка (интенсивное поглощение героини).

Появление дровосеков с топорами приводит к существенной переакцентуации ситуации (расчленение внешнего тела Волка посредством отделения верха от низа). Но для нас во всем этом важна только принципиальная полифоническая незавершенность художественного события. Последнее слово Волка и о Волке так и остается несказанным.

Пародия потом перепечатывалась трижды: в альманахе «Взгляд. Критика. Полемика. Публикации» (М., Сов. Писатель, 1988), в двухтомной антологии «Советская литературная пародия», составленной Б.М. Сарновым (М.: Книга, 1988) и в моем авторском сборнике «Заскок: Эссе, пародии, размышления критика» (М.: Книжный сад», 1997).

Что могу сказать «в свое оправдание» сорок лет спустя? Полагаю, что сам факт пародирования критика и/или литературоведа уже является признанием значимости его личности и творчества. Спародировать можно только филолога, обладающего собственным стилем и собственным художественным

миром. Характерно высказывание одного критика-литературоведа в устной беседе по прочтении всего моего цикла: «А на меня вы не напишете пародии. Потому что я пишу тускло и бесцветно».

«Античная пародия лишена нигилистического отрицания», – писал Бахтин, имея в виду прежде всего «Батрахомиомахию». Не было ни малейшего нигилистического отрицания и в моей пародии на Бахтина (как и в опубликованной годом раньше пародии на Тынянова). Тут скорее можно говорить о «добром смехе» (выражение В. Я. Проппа), о комическом любовании объектом. Красная Шапочка, Волк и Бабушка – такая же бурлескная подстановка, как Лягушки и Мыши в «Батрахомиомахии». Можно вспомнить и пародии легендарного сборника Э. С. Паперной, А. Г. Розенберга и А. М. Финкеля «Парнас дыбом», где пародировались классики (Гомер, Данте, Шекспир, Пушкин и т. д.) без малейшего ущерба для их репутации.

Конечно, пародия по природе своей содержит какую-то степень амбивалентности и не может быть комплиментарно-сладенькой, она всегда *cum grano salis*. Но крупинка соли, которая здесь содержится, думаю, адресована не Бахтину, а его бездумным эпигонам, злоупотребляющим «диалогом», «хронотопом» и «карнавалом» и девальвирующим эти понятия.

1987. Бахтин для детей

В 1984 году издательство «Педагогика» пригласило меня выступить со-ставителем «Энциклопедического словаря юного литературоведа». Формат этого издания был следующий: основные научные понятия (от «Авангардизма» до «Ямба» и серия маленьких заметок о выдающихся литературоведах. Мне удалось тогда собрать довольно звездный состав авторов: достаточно сказать, что среди них были Ю. М. Лотман и М. Л. Гаспаров. Заметку о Тынянове я попросил написать М. О. Чудакову, о В. Б. Шкловском – А. П. Чудакова, а за М. М. Бахтина взялся сам. Книга вышла в 1987 году. Тираж был допечатан в 1988 году.

К сожалению, статьи там не подписаны, авторы в конце указаны общим алфавитным перечнем. В 1998 году книга вышла вторым, дополненным и переработанным изданием, причем составителей было уже двое: я и Е. А. Шкловский.

Привожу текст своей заметки (тождественный в двух изданиях).

Михаил Михайлович Бахтин (1895 – 1975)

Книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса», «Вопросы литературы и эстетики», «Эстетика словесного творчества» стали значительными явлениями не только литературоведческой науки, но и современной духовной жизни. К идеям Бахтина постоянно обращаются литературоведы и критики, философы и искусствоведы при обсуждении самых серьезных вопросов, вязанных с общими закономерностями развития литературы и искусства, с будущим гуманитарной культуры.

Центральная идея всей научной работы Бахтина – идея диалога как глубокого взаимопонимания людей, их прочного духовного единения. Главная задача человека – научиться понимать других, проникаться чужими мыслями

и чувствами, оставаясь при этом самим собой. И искусство, в особенности искусство слова, является мощным средством такого духовного контакта.

Принцип диалога, по убеждению Бахтина, лежит в самой природе искусства.

Автор, создавая своих героев, наделяет их самостоятельным сознанием, на равных ведет с ними разговор о жизни, соглашается или спорит. Особенно характерно это для романов Ф. М. Достоевского, которые Бахтин назвал полифоническими (т. е. многоголосыми): разные точки зрения звучат здесь как равноправные, а поэтому человек и мир предстают во всей сложности и полноте.

И стиль художественного слова состоит в его многозначности, смысловой гибкости, «диалогичности», как говорил Бахтин. Широкий, свободный и открытый диалог, по мысли ученого, лежит в основе романа как непрерывно развивающегося и неисчерпаемого жанра. Сопоставляя романы разных эпох, Бахтин наглядно показывал, как вступают в смысловой диалог авторы и произведения, казалось бы, непохожие и далекие друг от друга.

Бахтин обнаружил сложную диалектическую природу смеха, в котором могут сочетаться отрицание одних сторон жизни и утверждение других. Это позволило ученому по-новому трактовать творчество Ф. Рабле, приблизить его к современному читателю. Труды Бахтина учат каждого, кто к ним обращается, навыкам читательского искусства, умению вступать в диалог с литературой.

Бахтин прожил нелегкую жизнь, но книги его исполнены глубокого оптимизма.

В монографии о Достоевском есть слова, точно передающие главную суть исканий ученого: «...ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди».³

Литература

Бахтин 1979 – Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство». 1979. 423 с.

Бахтин 1980 – Бахтин М. М. Конспекты лекций // «Прометей». Т. 12. С. 257–268). М.: «Молодая гвардия», 1980.

Новиков 2022 – Новиков Вл. Чужое слово. Филологическая проза // Звезда. 2022. № 3. С. 93.

Словарь 1987 – Энциклопедический словарь юного литературоведа / сост. В. И. Новиков. М.: Педагогика, 1987. С. 356.

Словарь 1998 – Энциклопедический словарь юного литературоведа / сост. В. И. Новиков, Е. А. Шкловский. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Педагогика-Пресс, 1998. С. 397–398.

Nowikow 1982 – Nowikow W. Wort und Ruhm Bakhtins // Kunst und Literatur/ 1982. № 5.

References

Bakhtin 1979 – Bakhtin M. M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: "Art". 1979. 423 p.

Bakhtin 1980 – Bakhtin M. M. Lecture Notes // "Prometheus". Vol. 12. P. 257–268). Moscow: "Young Guard", 1980.

³ Энциклопедический словарь юного литературоведа. / сост. В. И. Новиков. М.: Педагогика, 1987. С. 356. То же: Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В. И. Новиков, Е. А. Шкловский. – 2-е изд., доп. и перераб. М.: Педагогика-Пресс, 1998. С. 397–398.

Dictionary 1987 – Encyclopedic Dictionary of the Young Literary Scholar / compiled by V. I. Novikov. Moscow: Pedagogy, 1987. P. 356.

Dictionary 1998 – Encyclopedic Dictionary of the Young Literary Scholar / compiled by V. I. Novikov, E. A. Shklovsky. 2-nd ed., supplemented and revised. M.: Pedagogika-Press, 1998. P. 397–398.

Novikov 2022 – Novikov V. I. Someone else's word. Philological prose // Zvezda. 2022. No. 3. P. 93.

Nowikow W. Wort und Ruhm Bakhtins // Kunst und Literatur/ 1982. № 5.